

— ДЕТЕКТИВ —

СЕМЬ МИНУТ ТЕМНОТЫ

*Правда спит.
Но не навсегда.*

АВТОР КЛЁСТЕР ВАЛЕНТИНА

Валентина Клёстер
Семь минут темноты

«Автор»

2026

Клёстер В. В.

Семь минут темноты / В. В. Клёстер — «Автор», 2026

В элитном жилом комплексе «Северная башня» во время закрытого благотворительного вечера внезапно гаснет свет. Через семь минут электричество возвращается — и гости находят тело известного архитектора Марка Ветрова. Двери были заблокированы. Камеры отключены. У каждого гостя есть алиби. И почти у каждого — причина желать Ветрову смерти. За расследование берётся следователь Алиса Громова — женщина с острым умом, тяжёлым прошлым и редкой способностью замечать то, что другие считают случайностью. Чем глубже она копает, тем яснее понимает: убийство было не просто мстью. Это послание. А главное — убийца ещё не закончил.

© Клёстер В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Семь минут темноты	6
Глава 2. Закрытая башня	16
Глава 3. Вдова без слёз	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Семь минут темноты

Глава

Глава 1. Семь минут темноты

В тот вечер город лежал под окнами «Северной башни» так низко, будто его можно было накрыть ладонью.

Сорок восьмой этаж. Стекло от пола до потолка. Под ногами — чёрный мрамор с прожилками, похожими на застывшие молнии. Над головой — хрустальные люстры, слишком дорогие, чтобы просто светить. Вдоль стен — официанты в безупречных белых перчатках. В бокалах — шампанское, которое пили медленно, потому что его цена требовала уважения.

В этот вечер здесь собрались люди, которые умели улыбаться так, будто никогда никого не предавали.

Повод был красивый: благотворительный вечер в поддержку семей, пострадавших от аварийного жилья. На большом экране за сценой мягко сменялись фотографии детей, старых подъездов, треснувших стен и новых проектов фонда. Внизу сияла надпись:

«Город начинается с дома».

Марк Ветров стоял у панорамного окна и принимал поздравления.

Он был человеком, которого любили камеры. Высокий, седина ровно там, где она делала лицо не старым, а значительным. Тёмный костюм сидел на нём так, будто был не сшит, а выращен прямо на теле. Он пожимал руки, кивал, улыбался, ловил взгляды.

Марк Ветров был архитектором.

Нет, не просто архитектором. Его называли человеком, который меняет лицо города. Он строил башни, кварталы, музеи, элитные дома с названиями, где обязательно присутствовали слова «резиденция», «парк» или «премиум».

Люди покупали его бетон, потому что им казалось, что покупают будущее.

— Марк Александрович, великолепная организация, — сказала женщина в жемчуге, задержав его руку чуть дольше, чем требовалось. — И фонд Это так благородно.

— Благородство должно быть практичным, — ответил Ветров. — Иначе это просто красивая поза.

Он сказал это легко. Почти небрежно. Как человек, который давно научился превращать даже холодный расчёт в достойную цитату.

У сцены уже собирались гости. Ведущий попросил всех подойти ближе: начиналась главная часть вечера. Ветров должен был произнести речь и объявить первый крупный взнос в фонд.

Среди гостей стояла Ирина Ветрова, его жена.

Она держалась немного в стороне. Белый жакет, волосы собраны на затылке, тонкая цепочка на шее. Её лицо было спокойным и красивым — из тех лиц, которые не любят случайных эмоций. Она смотрела на мужа без улыбки. Не зло, не ласково, не устало. Просто смотрела.

Так смотрят на картину, которую давно купили, но так и не решили, нравится она или нет.

Недалеко от колонны стояла девушка в красном платье.

Красный цвет в этом зале выглядел почти неприлично. Вокруг были чёрные костюмы, молочные платья, серый шёлк, дорогая сдержанность. А она будто принесла с собой кусок пожара.

Её звали Ника Орлова.

Молодая художница. Победительница нескольких конкурсов. Лицо новое, талант заметный, характер — по слухам — невозможный. Ветров представлял её как «голос нового поколения». На афишах фонда даже использовали её работу: абстрактный городской пейзаж, где башни расплзались по небу, как трещины.

Ника смотрела на Ветрова так, будто хотела, чтобы его костюм внезапно загорелся.

Ветров заметил этот взгляд.

На секунду его улыбка стала жёстче.

Потом он отвернулся к сцене.

— Дамы и господа, — произнёс ведущий в микрофон, — прошу вашего внимания. Сегодня у нас особенный вечер. Мы собрались здесь не ради светской хроники, не ради фотографий и не ради красивых речей

Кто-то в зале тихо усмехнулся.

Ветров поднялся на небольшую сцену. Аплодисменты пошли сразу — уверенные, густые, как дождь по крыше дорогой машины.

Он взял микрофон.

— Спасибо, — сказал он. — Хотя я всегда считал, что благодарить нужно не меня. Благодарить нужно тех, кто ещё способен верить, что город может быть честным.

Слово «честным» прозвучало особенно красиво.

И особенно фальшиво.

У барной стойки мужчина с короткой бородой едва заметно усмехнулся. Его звали Даниил Крамер. Журналист. Один из немногих гостей, кого пригласили не из любви, а из осторожности. Несколько лет назад он пытался копать под Ветрова, но расследование тогда быстро заглохло. Одни материалы исчезли, другие свидетели передумали говорить, третьи внезапно уехали.

Крамер не хлопал.

Он смотрел на Ветрова внимательно и зло.

— Мы открываем фонд помощи семьям, которые потеряли дом, безопасность, уверенность в завтрашнем дне, — продолжал Ветров. — И я хочу, чтобы вы понимали: это не жест искупления. Нам не в чем каяться. Это жест ответственности.

В зале стало очень тихо.

Слово «искупление» он произнёс зря.

Ирина Ветрова медленно опустила взгляд в бокал.

Ника Орлова сжала пальцы так сильно, что тонкая ножка бокала хрустнула.

Официант рядом услышал этот звук и повернулся к ней.

— Вам заменить бокал?

— Нет, — сказала она. — Ещё рано.

Он не понял, что она имела в виду, но переспрашивать не стал.

Ветров поднял бокал.

— За город, который мы строим. За тех, кому мы помогаем. И за свет, который должен быть в каждом доме.

В этот момент свет погас.

Не мигнул. Не дрогнул. Не ушёл плавно, как бывает при перегрузке.

Он исчез сразу.

Люстры потухли. Экран погас. Зал провалился в густую, плотную темноту.

Сначала никто не закричал.

Первые две секунды люди просто не успели испугаться.

Потом где-то справа разбился бокал.

Женщина вскрикнула.

Кто-то громко сказал:

— Что за чёрт?

— Спокойно! — прозвучал голос Романа Чёрного, начальника службы безопасности. — Всем оставаться на местах!

Его голос был низким и поставленным. Таким голосом хорошо отдавать команды, когда вокруг светло. В темноте даже он звучал неуверенно.

— Это технический сбой, — добавил он. — Резервное питание включится через несколько секунд.

Но оно не включилось.

Темнота оставалась.

Кто-то попытался зажечь экран телефона.

— У меня не включается!

— И у меня!

— Сигнала нет!

— Кто меня толкнул?!

— Не трогайте меня!

Паника в дорогах залах начинается так же, как в дешёвых подъездах. Сначала голос становится выше. Потом люди начинают двигаться, хотя им сказали стоять. Потом чужое дыхание рядом кажется угрозой.

В темноте кто-то задевал плечи, платья, руки. Шуршала ткань. Звякали украшения. Пахло шампанским, дорогими духами и внезапным страхом.

И только город за стеклом продолжал сиять.

Окна превратились в огромные чёрные зеркала. Снаружи горели огни улиц, машин, домов. Но внутри зала света не было совсем. Люди видели лишь размытые контуры друг друга на фоне ночного города.

Марк Ветров стоял у окна.

По крайней мере, почти все были уверены, что он всё ещё там.

— Марк Александрович? — позвал ведущий.

Ответа не было.

— Марк?

Тишина.

Но в общей панике это никто не счёл странным.

Роман Чёрный двигался вдоль стены, ориентируясь по памяти. Он знал этот зал до каждого выступа, до каждого столика. В его наушнике было пусто. Связь с постом охраны пропала одновременно со светом.

— Не двигаться! — повторил он громче. — Все остаются на местах!

— Вы издеваетесь? — крикнул кто-то. — Мы на сорок восьмом этаже!

— Именно поэтому не надо устраивать давку!

Прошла минута.

Потом вторая.

Темнота становилась длиннее, чем могла быть случайность.

Ника Орлова стояла у колонны и не шевелилась. Её дыхание было ровным. Слишком ровным для человека, который боится.

Даниил Крамер нащупал в кармане диктофон. Пальцы нашли кнопку записи. Красная лампочка не загорелась, но он всё равно оставил устройство включённым.

Ирина Ветрова стояла на том же месте. В одной руке бокал. В другой — маленький чёрный клатч. Она не звала мужа. Не спрашивала, где он. Не делала ничего.

За её спиной кто-то тихо плакал.

— Сколько уже прошло? — прошептал мужской голос.

— Минут пять.

— Не может быть.

— Я по часам смотрю.

В темноте время всегда врёт. Оно растягивается, путается, цепляется за нервы.

Но в этот раз время было точным.

Семь минут.

Ровно семь.

Свет вернулся так резко, что несколько человек вскрикнули уже от него.

Люстры вспыхнули белым холодным огнём. Экран за сценой ожил и завис на фотографии старого дома с трещиной от крыши до первого этажа. Музыка не включилась. Микрофон издал короткий писк и замолчал.

Люди моргали, шурились, хватались за лица, проверяли сумки, украшения, друг друга.

Первой тело увидела официантка.

Она стояла ближе всех к панорамному окну, с подносом, на котором осталось три бокала шампанского. Её взгляд опустился вниз — и поднос накренился.

Бокалы упали один за другим.

Звон был тонкий, почти музыкальный.

— Господи — выдохнула она.

Все повернулись.

Марк Ветров лежал у окна.

Он лежал на боку, будто поскользнулся и неудачно упал. Одна рука была вытянута вперёд, пальцы почти касались стекла. Лицо повернуто к городу. Глаза открыты.

На белой рубашке, чуть ниже рёбер, расплывалось тёмное пятно.

Рядом валялся его бокал.

Шампанское растеклось по мрамору золотистой лужицей и смешалось с кровью у самого края. На чёрном полу это выглядело почти красиво. Настолько красиво, что от этого становилось дурно.

На груди Ветрова лежала записка.

Небольшая карточка из плотной белой бумаги.

Чёрные печатные буквы.

«Он видел город сверху. Теперь город посмотрит на него».

Несколько секунд никто не двигался.

Потом зал взорвался.

— Он мёртв?

— Врача!

— Не подходите!

— Откройте двери!

— Где охрана?!

Ирина Ветрова пошла к мужу первой.

Не побежала. Не вскрикнула. Просто поставила бокал на ближайший столик и медленно двинулась к телу.

Роман Чёрный перехватил её у самого окна.

— Ирина Сергеевна, не надо.

— Это мой муж, — сказала она.

Голос был тихий. Сухой.

— Тем более не надо.

Из толпы вышел пожилой мужчина в тёмно-синем костюме.

— Я врач.

Он опустился рядом с Ветровым, приложил пальцы к шее. Потом посмотрел на пятно крови, на лицо, на неподвижную грудь.

Проверка заняла меньше десяти секунд.

— Поздно, — сказал он.

Кто-то заплакал.

Кто-то начал звонить, хотя телефоны всё ещё не работали.

Даниил Крамер смотрел на записку. Он не пытался подойти ближе. Ему хватило одной фразы, чтобы понять: это не просто убийство. Это спектакль. И зрителей сюда пригласили заранее.

Роман Чёрный взял рацию.

— Пост, ответьте.

Тишина.

— Центральный пост, ответьте.

Снова тишина.

Он выругался почти беззвучно и посмотрел на двери.

Двери были закрыты.

Электронные замки после сбоя ушли в блокировку. Лифты не работали. Лестничный выход требовал ручного разблокирования с поста охраны.

Зал оказался ловушкой.

Красивой, дорогой, полной живых людей и одного мёртвого.

Через двадцать восемь минут на сорок восьмой этаж поднялась следователь Алиса Громова.

Она приехала без мигалки. Не любила лишнего шума. Шум мешал слышать то, что люди случайно говорят в первые минуты после смерти.

Алиса была невысокой, в тёмном пальто, с волосами, собранными низко на затылке. На первый взгляд в ней не было ничего грозного. Ни резкости, ни демонстративной силы. Но те, кто работал с ней дольше одного дня, знали: рядом с Громовой люди начинали врать хуже.

Она вошла в зал и остановилась.

Сначала она смотрела не на тело.

На людей.

На мужчину у бара, который слишком старательно делал вид, что ему плохо. На женщину в сером платье, которая плакала без слёз. На Нику Орлову в красном — бледную, но почти спокойную. На Ирину Ветрову, сидящую в кресле у стены с прямой спиной и пустыми глазами.

И на Романа Чёрного.

Начальник службы безопасности сразу подошёл к ней.

— Громова?

— Она самая.

— Роман Чёрный. Служба безопасности комплекса.

— Прекрасная фамилия для вечера без света.

Он не улыбнулся.

— Ситуация нестандартная.

— Убийство на закрытом этаже редко бывает стандартным.

Алиса сняла перчатки, потом надела новые — тонкие, чёрные.

— Кто трогал тело?

— Врач проверил пульс. Жена пыталась подойти, я остановил. Официантка уронила поднос рядом, но к телу не прикасалась.

— Оружие?

— Не нашли.

— Камеры?

— Отключились вместе со светом.

— Резервное питание?

— Не сработало.

— Очень удобно.

— Слишком удобно, — сказал Чёрный.

Алиса посмотрела на него внимательнее.

— Вы быстро это поняли.

— Я отвечаю за безопасность.

— Сегодня не очень удачно.

Он сжал челюсти, но промолчал.

Алиса подошла к телу. Присела рядом, не касаясь пола. Осмотрела положение рук, пятно крови, бокал, записку.

— Кто читал вслух записку?

— Никто, — сказал Чёрный. — Но многие видели.

— Плохо. Теперь половина зала будет помнить её неправильно, а вторая половина — врать, что помнит точно.

Она наклонилась ближе.

Буквы были напечатаны ровно. Без наклона, без нажима. Не ручка — принтер. Бумага дорогая, плотная, с едва заметной фактурой.

Алиса перевела взгляд на бокал.

— Это его?

— Да. Он держал его во время речи.

— Кто подавал?

Из толпы вывели официантку. Девушка была совсем молодая, с красными глазами и дрожащими губами.

— Ваше имя?

— Лена.

— Лена, вы подавали бокал Ветрову?

— Да. То есть не совсем. Он взял с подноса сам.

— До речи?

— Да.

— Кто ещё брал бокалы с этого подноса?

— Я я не помню.

— Вспоминайте не лицами. Местами. Где вы стояли?

Лена закрыла глаза.

— У правой колонны. Потом подошёл Марк Александрович. Потом его жена кажется. Потом мужчина с бородой. И девушка в красном платье.

Ника Орлова услышала и подняла голову.

— Я не брала шампанское с её подноса.

Алиса обернулась.

— Я вас ещё не спрашивала.

— Но вы собирались.

— Теперь точно собираюсь.

Ника усмехнулась, но улыбка вышла нервной.

— Я взяла бокал у другого официанта.

— Почему вы так хорошо это помните?

— Потому что этот официант спросил, заменить ли мне бокал, когда он треснул.

— Ваш бокал треснул?

— Да.

— От чего?

— От моей прекрасной выдержки, видимо.

В зале кто-то тихо фыркнул. Алиса не улыбнулась.

— Бокал сохранился?

Ника указала на столик у колонны.

— Там.

Чёрный подал знак сотруднику не трогать место.

Алиса снова посмотрела на тело.

— Во сколько погас свет?

— В 21:10, — ответил Чёрный.

— Точно?

— Да. Система зафиксировала сбой.

— Во сколько включился?

— В 21:17.

— Семь минут.

— Да.

Алиса посмотрела на часы Ветрова.

Стрелки показывали 21:17.

— Часы остановились?

— Похоже на то, — сказал Чёрный.

— Падение?

— Возможно.

— Или кто-то очень хотел, чтобы мы знали время.

Она поднялась.

— Двери были закрыты всё время?

— После отключения света заблокировались. До этого выход был свободный.

— Кто-нибудь вышел за минуту до отключения?

— Нужно смотреть камеры.

— Которые удобно отключились.

— Камеры в коридорах могли сохраниться на локальном сервере.

— Могли?

Чёрный помрачнел.

— Я проверю.

— Не вы. Мои люди проверят.

Он хотел возразить, но передумал.

Алиса повернулась к залу.

— Дамы и господа, прошу внимания.

Голоса стихли не сразу. Ей пришлось просто молчать и смотреть. Через несколько секунд зал сам понял, что лучше замолчать.

— Меня зовут Алиса Громова. Я веду это дело. До окончания первичного опроса никто не покидает этаж. Телефоны, сумки, верхняя одежда — всё остаётся при вас, но по первому требованию будет осмотрено. Кто попытается избавиться от предметов, документов, записок, флешек, ножей, флаконов или чего угодно ещё, автоматически станет самым интересным человеком в этом зале.

— Вы не имеете права держать нас здесь! — возмутился мужчина у бара.

— Имею, — спокойно сказала Алиса. — Но даже если бы не имела, лифты всё равно не работают. Так что давайте не будем тратить вечер на юридический кружок.

Мужчина замолчал.

Алиса продолжила:

— Марк Ветров был убит во время отключения света. Это значит, что убийца либо находится среди вас, либо вы все дружно не заметили человека, который вошёл, убил и исчез с сорок восьмого этажа сквозь стены. Второй вариант мне нравится меньше. Он скучный.

Гости переглянулись.

Кто-то побледнел.

Кто-то, наоборот, стал слишком красным.

Ирина Ветрова подняла глаза.

— Вы хотите сказать, что один из нас убийца?

— Нет, Ирина Сергеевна, — сказала Алиса. — Я хочу сказать, что один из вас рассчитывал, что в темноте все станут одинаковыми.

Ирина чуть заметно вздрогнула.

Первый настоящий жест за весь вечер.

Алиса отметила его.

— Начнём с простого. Кто находился ближе всего к Ветрову в момент отключения света?

Молчание.

Потом заговорили сразу несколько человек.

— Он был у окна.

— Нет, на сцене.

— Он спустился.

— Я слышала его голос справа.

— Он сказал что-то после отключения.

Алиса подняла руку.

— По одному.

Даниил Крамер вышел вперёд.

— Он не был на сцене, когда погас свет.

— Откуда вы знаете?

— Я смотрел на него.

— Почему?

Крамер усмехнулся.

— Профессиональная привычка. Я журналист.

— Журналисты обычно смотрят туда, где будет скандал?

— Хорошие — да.

— И где был Ветров?

— У окна. Он спустился со сцены за несколько секунд до отключения.

— Зачем?

— К нему подошёл кто-то.

— Кто?

Крамер помедлил.

— Я не увидел. Человек был сбоку, за группой гостей.

— Мужчина? Женщина?

— Невысокий силуэт. Возможно, женщина.

В зале снова зашептались.

Ника Орлова скрестила руки.

— Не смотрите на меня так. Я стояла у колонны.

— Кто может подтвердить? — спросила Алиса.

Ника открыла рот и закрыла.

Вот это было интересно.

— Никто? — уточнила Алиса.

— Все были заняты речью.

— А вы?

— А я была занята тем, что старалась не бросить в него бокал.

Несколько человек ахнули.

Алиса посмотрела на неё спокойно.

— За честность спасибо. За глупость — потом поговорим.

Ника отвернулась.

Крамер тихо сказал:

— Она имела причины его ненавидеть.

— Даниил, — произнесла Ника, не глядя на него, — ещё одно слово, и я вспомню, сколько причин ненавидеть его было у вас.

Алиса перевела взгляд с одного на другую.

— Прекрасно. Вечер становится содержательным.

Роман Чёрный наклонился к ней.

— Следственная группа поднимается. Лифт запустили в ручном режиме.

— Хорошо. Пусть начинают с технической комнаты, серверной и кухни. Орудие могло уйти не из зала, а в служебную зону.

— Но двери были заблокированы.

— После отключения. Мне интересно, что произошло до.

Она снова посмотрела на Ветрова.

Слишком чистая сцена. Слишком театральная записка. Слишком точные семь минут.

Убийца хотел, чтобы все смотрели на темноту.

Значит, главное случилось не в темноте.

Главное случилось до неё.

Алиса подошла к Ирине Ветровой.

— Ваш муж получал угрозы?

— Нет.

Ответ был слишком быстрым.

— Подумайте.

— Я подумала.

— Тогда подумайте медленнее.

Ирина подняла на неё глаза. В них впервые появилось раздражение.

— Следовательно, моего мужа только что убили. Мне трудно участвовать в вашем спектакле.

— Странно, — сказала Алиса. — У меня ощущение, что спектакль начался задолго до моего приезда.

Ирина побледнела.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Пока я тоже. Но мы обе стараемся.

Алиса уже хотела отойти, когда заметила на рукаве жакета Ирины едва различимое тёмное пятно.

Не кровь.

Чернила?

Или сажа?

Она не стала спрашивать сразу.

Рано.

Убийцы любят, когда им задают прямые вопросы. Прямой вопрос даёт шанс подготовить прямую ложь.

Алиса повернулась к залу и вдруг увидела, что Ника Орлова смотрит не на тело, не на вдову и не на неё.

Ника смотрела на панорамное окно.

Туда, где за стеклом светился город.

А на стекле, если присмотреться, чуть выше того места, где лежал Ветров, была тонкая мутная полоса. Будто кто-то провёл по нему ладонью.

Алиса подошла ближе.

Полоса была почти незаметной. На уровне человеческого лица.

Она наклонилась.
На стекле остался след.
Не ладонь.
Три пальца.
Словно Ветров перед смертью пытался не удержаться, а что-то показать.
Алиса медленно проследила направление.
Пальцы указывали не вниз, не на город и не на записку.
Они указывали в отражение зала.
Туда, где за спинами гостей в чёрном зеркале окна виднелась колонна.
Та самая, у которой стояла Ника Орлова.
Но теперь у колонны лежало что-то маленькое и белое.
Алиса подошла.
На полу, почти под тяжёлой складкой декоративной ткани, лежала вторая карточка.
Такая же плотная бумага.
Такие же печатные буквы.
Но фраза была другой:
«Первый долг возвращён».
Алиса подняла глаза.
В зале кто-то резко втянул воздух.
Ника Орлова больше не улыбалась.
А Ирина Ветрова впервые за весь вечер заплакала.
Только слёзы у неё появились слишком поздно.

Глава 2. Закрытая башня

Вторую карточку Алиса Громова не стала поднимать сразу.

Она присела рядом, наклонилась и несколько секунд просто смотрела на неё, будто бумага могла сама рассказать, кто положил её под складку ткани.

«Первый долг возвращён».

Фраза была короткой, но от неё в зале стало холоднее, чем от вида тела.

Первый.

Значит, предполагался второй.

А может, третий.

Алиса выпрямилась и посмотрела на гостей. До этого они были похожи на случайных свидетелей трагедии: испуганных, растерянных, возмущённых. Теперь лица изменились. В них появилось другое выражение — тихое, животное понимание, что вечер не закончился смертью Марка Ветрова.

Возможно, он только начался.

— Никому не двигаться, — сказала Алиса.

Голос у неё был негромкий, но зал услышал.

Роман Чёрный сделал шаг к карточке.

— Это улика?

— Нет, сувенир на память, — сухо ответила Алиса. — Конечно, улика. И вы к ней больше не подходите.

Он замер.

— Я хотел помочь.

— Помогите тем, что вспомните: кто стоял у этой колонны во время отключения света?

Чёрный посмотрел туда, где раньше стояла Ника Орлова.

— Девушка в красном платье.

Ника резко повернулась.

— Я уже сказала: я стояла здесь. Но я не клала никакой записки.

— Я вас пока ни в чём не обвиняю, — сказала Алиса.

— Звучит неубедительно.

— Это потому, что я стараюсь говорить честно.

Ника побледнела, но промолчала.

Алиса жестом подозвала криминалиста, который только что вошёл в зал вместе с оперативной группой. Молодой парень в бахилах и с чёрным чемоданчиком двигался осторожно, как человек, впервые оказавшийся в комнате, где каждая блестящая поверхность может стать доказательством.

— Карточку сфотографировать, упаковать отдельно. Перчатки менять до и после. Пол под колонной — полностью. Ткань не двигать, пока не снимете общий план.

— Понял.

— И стекло, — добавила Алиса. — Там следы пальцев.

Криминалист посмотрел на панорамное окно.

— На стекле?

— На стекле. Не удивляйтесь раньше времени. Сегодня вечер щедрый.

Она обернулась к Чёрному.

— Теперь вы. Мне нужна схема этажа.

— Есть в служебной комнате.

— Ведите.

— А гости?

— Гости будут сидеть, молчать и вспоминать, как сильно им сегодня не повезло.

— Они начнут паниковать.

— Они уже начали. Просто пока делают это дорого.

Чёрный не нашёлся, что ответить.

Алиса направилась за ним через зал. По дороге она заметила Ирину Ветрову. Та сидела в кресле, опустив голову. Слёзы действительно появились, но странно: лицо оставалось почти неподвижным, будто плакало не оно, а только глаза.

Горе бывает разным.

Алиса знала это лучше многих.

Но она также знала: некоторые люди плачут не потому, что им больно. А потому, что наконец поняли — спектакль требует слёз.

Службная дверь находилась за барной стойкой. Снаружи она почти сливалась со стеной, обитой тёмными деревянными панелями. Чёрный приложил карту доступа.

Замок пискнул красным.

Он нахмурился и приложил карту ещё раз.

Снова красный.

— Заблокировано, — сказал он.

— Кем?

— Системой.

— Система у вас сегодня очень самостоятельная.

Чёрный достал из кармана второй пропуск — металлический аварийный ключ в тонком кожаном чехле. Вставил в скрытую скважину под панелью. Замок щёлкнул.

Дверь открылась.

За ней был узкий коридор без роскоши. Серые стены, низкий потолок, технический свет, который мигал через каждые несколько секунд. После зала с мрамором и шампанским это место выглядело как задняя сторона красивого лица.

— Сюда имеют доступ сотрудники? — спросила Алиса.

— Служба безопасности, технический персонал, управляющий комплексом, кейтеринг — ограниченно.

— Гости?

— Нет.

— Ветров?

— У него был мастер-доступ. Он владел частью управляющей компании здания.

— Удобно быть хозяином башни, в которой тебя убили.

Чёрный открыл дверь в небольшую комнату. На стене висела схема сорок восьмого этажа: банкетный зал, сцена, бар, кухня, две служебные комнаты, технический узел, лифтовой холл и аварийная лестница.

Алиса подошла ближе.

— Покажите все выходы.

Чёрный указал:

— Главные двери в лифтовой холл. Два пассажирских лифта и один служебный. Здесь — аварийная лестница. Ещё служебный проход через кухню, но он ведёт туда же, в коридор перед лестницей. Окон нет, кроме панорамных в зале. Они не открываются.

— Вентиляция?

— Решётки узкие. Человек не пролезет.

— Потолочные люки?

— Есть технические, но выше коммуникационный слой. Выхода наружу нет.

— То есть после отключения света этаж стал коробкой.

— Да.

— А до отключения?

Чёрный замолчал.

Вот это Алиса не любила: когда люди отвечают молчанием ровно в том месте, где начинается правда.

— До отключения, Роман?

— Теоретически кто-то мог выйти через лифтовой холл.

— Теоретически?

— До 21:10 двери были свободны.

— Кто-то выходил?

— Не знаю.

— Вы начальник безопасности закрытого благотворительного вечера на сорок восьмом этаже. И вы не знаете, выходил ли кто-то за несколько минут до убийства?

Он сжал губы.

— Я был в зале.

— У окна?

— Нет.

— У сцены?

— Возле правой стены. Следил за гостями.

— Тогда кто следил за выходами?

— Дежурный на посту у лифтов. Ещё один сотрудник у лестницы.

— Где они?

— Сейчас приведут.

Алиса посмотрела на схему.

— Камеры.

Чёрный нажал кнопку на настенной панели, и рядом с планом загорелись маленькие синие точки.

— В зале восемь камер. В лифтовом холле четыре. На лестнице по одной на площадку. В коридоре две. На кухне три. Всё пишется на локальный сервер и дублируется в центральный архив.

— Отключились вместе со светом?

— Нет.

Он сказал это слишком быстро.

Алиса медленно повернулась к нему.

— Продолжайте.

— Камеры в зале отключились раньше.

— Насколько раньше?

— Нужно смотреть журнал.

— Не нужно уходить в будущее. Говорите то, что уже знаете.

Чёрный отвёл взгляд.

— Примерно за двадцать минут до отключения света.

Комната стала тише.

Даже мигающая лампа будто на секунду перестала жужжать.

— То есть камеры в зале не погасли из-за сбоя питания, — сказала Алиса.

— Похоже, нет.

— Они были отключены заранее.

— Да.

— А вы сообщили мне об этом только сейчас.

— Я не был уверен.

— Не надо путать «не был уверен» с «надеялся, что не спросят».

Чёрный выдержал её взгляд.

— Я отвечаю за безопасность этого здания. Если камеры отключили через мою систему, это моя ответственность.

— Роман, у нас мёртвый человек у окна и убийца на этаже. Ваша репутация сегодня не самая большая потеря.

Он кивнул.

— Журнал доступа в серверной.

— Ведите.

Они вышли из комнаты и прошли по коридору глубже в техническую часть этажа. Здесь уже работали два оперативника. Один осматривал электрощит, второй фотографировал пол возле двери серверной.

У двери стояла женщина в форме администратора комплекса. Лет тридцать пять, тёмные волосы, аккуратная помада, лицо человека, который привык решать проблемы арендаторов, но не привык к убийствам.

— Это Елена Миронова, управляющая площадкой, — сказал Чёрный. — Она была ответственна за мероприятие.

— Где вы были во время отключения света? — спросила Алиса.

— В зале. У входа.

— Кто-нибудь выходил?

— Нет.

Ответ прозвучал уверенно.

Слишком уверенно для человека, который семь минут простоял в полной темноте.

— Вы видели?

— До отключения — видела. После — нет, конечно.

— За пять минут до отключения кто-нибудь покидал зал?

Елена задумалась.

— Кейтеринг ходил туда-сюда. Официанты. Один техник прошёл в коридор.

— Какой техник?

— Не знаю. В тёмной форме. С бейджем.

— Имя?

— Я не рассмотрела.

— Почему пропустили?

— Он шёл из служебной зоны, я решила, что это наш сотрудник.

Алиса посмотрела на Чёрного.

— Ваш?

— Все мои сотрудники были в чёрной форме с логотипом комплекса на рукаве.

— У него был логотип? — спросила Алиса у Елены.

— Не помню.

— Бейдж помните, а логотип нет?

Елена смутилась.

— Там было темно у входа. И я отвлеклась. Один из гостей спорил с охраной из-за приглашения.

— Кто?

— Мужчина кажется, Соколов. Лев Соколов. Партнёр Марка Александровича.

Имя прозвучало впервые за вечер, но Алиса уже отметила его в голове.

Партнёры убитых людей почти всегда оказываются полезными.

Иногда как свидетели.

Иногда как наследники проблем.

Иногда как убийцы.

— Где сейчас Соколов?

— В зале, — сказал Чёрный. — Сидит у бара.

— Пусть пока посидит. Серверная.

Чёрный приложил карту к двери.

Писк.

Зелёный свет.

Дверь открылась.

Внутри было холодно. Ряды оборудования тихо гудели, мигали лампочки, тянулись кабели. Воздух пах пластиком, металлом и кондиционером.

У стойки с мониторами сидел бледный молодой парень в свитере.

Он вскочил, когда они вошли.

— Я ничего не трогал! Мне сказали ждать!

— Имя, — сказала Алиса.

— Кирилл. Кирилл Тарасов. Системный администратор.

— Ваш возраст и испуг потом. Сейчас — камеры.

Кирилл судорожно кивнул и сел обратно.

— Запись с камер в зале обрывается в 20:47.

— Свет погас в 21:10, — сказала Алиса.

— Да.

— Кто отключил?

Кирилл сглотнул.

— Команда пришла с внутреннего терминала.

— Какого?

Он посмотрел на Чёрного.

И это было второй ошибкой за минуту.

Алиса сразу поняла, что ответ ему не нравится.

— Не на него смотрите. На меня.

— С терминала службы безопасности, — сказал Кирилл.

Чёрный резко выпрямился.

— С какого именно?

— С вашего кабинета.

В серверной стало очень тихо.

Чёрный медленно произнёс:

— Я не был в кабинете в 20:47.

— Кто может подтвердить? — спросила Алиса.

— Я был в зале. Сначала у сцены, потом возле правой стены. Меня видели десятки людей.

— Десятки людей обычно видят то, что им удобно. Кирилл, команда была ручная или автоматическая?

Кирилл быстро застучал по клавиатуре.

— Ручная. Авторизация по карте и паролю.

— Чья карта?

— Романа Викторовича.

Чёрный сделал шаг к монитору.

— Это невозможно.

Алиса подняла руку.

— Стоять.

Он остановился.

— Мою карту никто не забирал.

— Где она была?

— При мне.

— Всё время?

— Да.

— Покажите.

Чёрный достал из кармана пластиковую карту на металлическом ретракторе.

Алиса не взяла её.

— Кирилл, можно отключить камеры, используя копию карты?

— Теоретически да, если есть дубликат.

— А пароль?

— Пароль нужен.

— Его мог знать кто-то ещё?

— Не должен.

— Я спросила не о должностной инструкции. Мог?

Кирилл помолчал.

— Мог. Если подсмотрел. Или если был доступ к админской базе. Или если пароль не менялся давно.

Алиса посмотрела на Чёрного.

— Пароль давно менялся?

Он молчал.

— Роман.

— Три месяца назад.

Кирилл тихо кашлянул.

Алиса повернулась к нему.

— Не кашляйте загадочно. Говорите.

— Последняя смена пароля была семь месяцев назад.

Чёрный посмотрел на него так, что парень вжался в кресло.

— Я могу ошибаться, — быстро добавил Кирилл.

— Не можете, — сказала Алиса. — Система не умеет стесняться. Покажите журнал.

На экране появился список событий.

20:47:13 — вход в систему.

20:47:28 — отключение камер банкетного зала.

20:48:02 — отключение записи с микрофонов.

20:48:17 — перевод архива в режим локального хранения.

21:09:56 — команда на блокировку лифтов.

21:10:04 — отключение света в банкетном зале.

21:10:08 — сбой связи.

21:17:03 — восстановление света.

Алиса смотрела на цифры и чувствовала, как дело меняет форму.

Это уже не было импульсивным убийством в темноте.

Это была операция.

Кто-то заранее отключил камеры. Потом микрофоны. Потом подготовил блокировку лифтов. Потом выключил свет ровно в момент речи Ветрова.

— Кто мог управлять светом? — спросила она.

— Технический узел, центральная система здания или удалённый доступ администратора, — ответил Кирилл.

— Удалённый доступ откуда?

— Только из внутренней сети.

— То есть с этого этажа?

— Или с другого этажа здания. Но в момент мероприятия внешние этажи были закрыты.

— Кем?

Кирилл снова посмотрел на Чёрного.

Алиса устало вздохнула.

— У вас тут все ответы находятся на лице начальника безопасности?

— Службой безопасности, — сказал Кирилл.

Чёрный глухо произнёс:

— Я не убивал Ветрова.

— Я пока спросила только про двери.

— Но вы уже думаете.

— Это моя работа.

Он шагнул ближе.

— Я не мог отключить камеры из своего кабинета, потому что мой кабинет на минус первом уровне. Я поднялся в зал в 19:30 и больше не спускался.

— Кто видел вас с 20:47 до 21:10?

— Половина гостей.

— Прекрасно. Половина гостей — это обычно половина лжи. Проверим.

Алиса снова посмотрела на журнал.

— Камеры в лифтовом холле работали?

Кирилл кивнул.

— До 21:10 — да. Потом картинка пропала на семь минут.

— Показывайте 20:40–21:10.

На мониторе появилось изображение лифтового холла. Холодный свет. Зеркальные двери. Красная ковровая дорожка, ведущая в зал. У входа стоял охранник — широкий мужчина с короткой шеей и скучающим лицом.

В 20:43 мимо прошли два официанта с пустыми подносами.

В 20:45 — женщина из кейтеринга с коробкой.

В 20:46 — Лев Соколов. Он вышел из зала, остановился у охранника, что-то резко сказал, показывая телефон. Охранник развёл руками. Спор длился около минуты.

В 20:47, когда по журналу отключились камеры зала, Соколов всё ещё был у входа.

— Звук есть? — спросила Алиса.

— Микрофоны холла писали до 20:48, — сказал Кирилл.

Он включил звук.

Сначала шорох, шаги, гул музыки из зала.

Потом голос Соколова:

— Я сказал, мне нужно вниз на пять минут.

Охранник:

— Во время выступления выход нежелателен.

— Нежелателен? Вы понимаете, кто я?

— Понимаю. Но у меня инструкция.

— Ваша инструкция стоит дешевле моего ботинка.

Охранник молчал.

Соколов наклонился к нему ближе:

— Позовите Чёрного.

— Роман Викторович в зале.

— Тогда откройте лифт сами.

— Не могу.

— Не можете или боитесь?

На этом звук оборвался.

20:48:02.

Кирилл остановил запись.

— Дальше только видео.

Алиса смотрела на экран.

Соколов постоял ещё несколько секунд, потом резко развернулся и вернулся в зал.

— Он хотел уйти, — сказала она.

— Но не ушёл, — ответил Чёрный.

— Потому что ему не дали.

— Значит, он не мог быть тем, кто отключил камеры.

— Не торопитесь спасать людей, Роман. Вы сегодня не в лучшей форме.

Чёрный отвернулся.

— Лестница, — сказала Алиса. — Показывайте.

Кирилл переключил изображение.

Аварийная лестница выглядела пустой и неприятной. Бетонные стены, металлические перила, яркие лампы. На площадке у двери стоял второй охранник — молодой, с худым лицом. Он всё время переминался с ноги на ногу и смотрел в телефон.

— Телефоны же не работали, — заметила Алиса.

— До 21:10 работали, — сказал Кирилл. — Глушение включилось вместе со сбоем связи.

На записи в 20:51 к лестнице подошёл человек.

Техник.

Тёмная форма. Кепка. Бейдж на груди. Лицо опущено.

Елена Миронова тихо выдохнула:

— Вот он.

Алиса наклонилась к экрану.

— Увеличить.

Кирилл приблизил изображение. Качество стало хуже. Лицо человека распалось на пиксели, но было видно: он держал в руке небольшой чёрный кейс.

Охранник у лестницы открыл перед ним дверь.

— Почему? — спросила Алиса.

Чёрный побледнел.

— Он не должен был.

На записи техник вошёл на лестницу.

Дверь закрылась.

— Куда ведёт лестница? — спросила Алиса.

— Вниз. На все этажи.

— Она была под охраной?

— Да.

— На каждой площадке?

— Нет. Только на сорок восьмом и на первом уровне.

— Значит, человек мог спуститься на любой технический этаж.

— Теоретически да.

— Мне не нравятся ваши теоретические люди. Они слишком много успевают.

Кирилл перемотал запись дальше.

В 20:58 техник вернулся.

Охранник открыл дверь. Техник вышел обратно в коридор и направился к служебной зоне.

— Он вернулся до отключения света, — сказал Чёрный.

— Куда он делся потом?

Кирилл переключил камеры коридора.

В 20:59 техник прошёл по служебному коридору.

В 21:00 вошёл в технический узел.

В 21:07 вышел.

В 21:08 направился к залу.

В 21:09 вошёл внутрь через служебную дверь за баром.

В 21:10 свет погас.

Алиса почувствовала, как все в серверной одновременно перестали дышать.

— Стоп, — сказала она.

Кирилл остановил кадр.

Человек в форме техника стоял у служебной двери, ведущей в банкетный зал. Лицо всё ещё скрывала кепка. В руке был тот же чёрный кейс.

— Он вошёл в зал за минуту до отключения света, — сказала Алиса.

— Но из зала никто не выходил после, — сказал Чёрный.

— Потому что двери заблокировались.

— Значит, он остался там.

— Или он никогда не был техником.

Елена Миронова побледнела.

— У нас не было техника с кейсом.

— Вот теперь вы уверены?

Она кивнула.

Алиса посмотрела на Чёрного.

— Собрать всех сотрудников кейтеринга, охраны, технической службы. Проверить форму, бейджи, пропуска. Никого не выпускать с этажа.

— Уже никто не выйдет, — сказал Чёрный.

— Не драматизируйте. В закрытых помещениях люди всё равно находят способ исчезать.

Особенно если кто-то внутри помогает.

Она повернулась к Кириллу.

— Покажите зал после включения света. Все камеры не работали?

— Камеры зала включились в 21:17:12.

На экране появился банкетный зал через несколько секунд после возвращения света.

Люди метались, кто-то бежал к окну, кто-то отходил назад. Ветров уже лежал на полу.

— Найдите техника.

Кирилл увеличил изображение, начал двигать запись по кадрам.

Слева — официанты.

У бара — Соколов.

У колонны — Ника.

У стены — Ирина.

У входа — Елена.

Романа Чёрного видно у правой стены.

Техника в тёмной форме не было.

— Он должен быть в зале, — сказал Кирилл.

— Должен, — согласилась Алиса.

Но его не было.

Они пересмотрели запись ещё раз.

Потом третий.

Человек в форме техника вошёл в зал в 21:09.

Свет погас в 21:10.

В 21:17 свет вернулся.

Техника в зале не оказалось.

— Он вышел во время темноты, — сказала Елена.

Чёрный резко возразил:

— Невозможно. Двери были заблокированы.

— Через служебную дверь?

— Она тоже блокируется.

— Через лестницу?

— Там охрана.

— Через лифт?

— Лифты встали.

Алиса молчала.

Она смотрела на схему этажа.

Закрытая башня.

Лифты заблокированы.

Лестница под охраной.

Камеры зала отключены заранее.

Техник вошёл — и исчез.

Убийца либо был среди гостей, либо кто-то создал призрак, чтобы Алиса смотрела не туда.

— А вентиляция? — спросила она снова.

Чёрный раздражённо выдохнул.

— Я уже сказал: человек не пролезет.

— Я не спрашиваю, пролезет ли человек. Я спрашиваю, пролезет ли кейс.

Он замолчал.

Кирилл резко повернулся к монитору.

— Технический узел связан с вентиляционным каналом. Там есть сервисное окно.

Маленькое.

— Размер?

— Примерно сорок на сорок.

— Орудие убийства пролезет?

— Да.

— Форма техника пролезет?

— Если свернуть — да.

— Кейс?

— Да.

Алиса посмотрела на Чёрного.

— Ведите в технический узел.

Они вышли из серверной. Коридор казался ещё уже, чем раньше. Где-то за стеной слышался гул зала — люди говорили всё громче. Страх долго не стоит на месте. Он либо превращается в истерику, либо в агрессию.

Технический узел находился в конце коридора. Дверь была приоткрыта.

Алиса остановилась.

— Кто открывал?

Чёрный напрягся.

— Когда мы проходили сюда, она была закрыта.

— Точно?

— Да.

Алиса жестом остановила всех.

Она медленно толкнула дверь носком ботинка.

Внутри горел тусклый свет.

Электроштиты. Кабели. Узкая металлическая лестница к верхнему сервисному люку. На полу — следы пыли. У стены — пластиковый ящик с инструментами.

И запах.

Слабый, но узнаваемый.

Горелая ткань.

Алиса вошла первой.

— Ничего не трогать.

Она присела у вентиляционного окна. Решётка была на месте, но один винт не был закручен до конца. На краю металла зацепилась тонкая чёрная нитка.

— Вот и наш техник начал раздеваться, — сказала она.

Чёрный подошёл ближе.

— Думаете, он сбросил форму в вентиляцию?

— Думаю, кто-то очень хотел, чтобы мы так подумали.

— Почему?

Алиса указала на пол.

В пыли перед вентиляционным окном было много следов. Слишком много. Но только один был особенно чётким.

След женской туфли.

Узкий каблук.

Не рабочий ботинок техника.

Не мужская обувь.

Не охрана.

— Потому что настоящий след всегда тише фальшивого, — сказала Алиса.

В коридоре послышались быстрые шаги.

Один из оперативников появился в дверях.

— Алиса Сергеевна.

— Что?

— Опросили охранника у лестницы.

— И?

— Он говорит, что техника не пропускал.

Чёрный резко повернулся.

— Как не пропускал? На записи видно!

— Он утверждает, что дверь открылась сама. По команде из системы. А техник только показал бейдж и прошёл.

Алиса выпрямилась.

— Где охранник сейчас?

— В зале. Его трясёт.

— Пусть трясётся там. Что с бейджем?

— Он говорит, бейдж был не технической службы.

— А чей?

Оперативник посмотрел в блокнот.

— Фонда.

Алиса медленно повторила:

— Фонда?

— Да. Белый бейдж с логотипом: «Город начинается с дома».

И всё сразу стало хуже.

Фонд был создан Ветровым.

Приглашения, бейджи, списки гостей, персонал, подрядчики — всё проходило через его людей.

А значит, человек в форме техника мог быть не посторонним.

Он мог быть приглашён официально.

Алиса вышла из технического узла и направилась обратно в зал.

Когда она вошла, разговоры стихли. Люди смотрели на неё так, будто она должна была немедленно открыть двери и сказать, что всё закончилось.

Она не собиралась говорить ничего подобного.

— Лев Соколов, — произнесла Алиса.

Мужчина у бара поднял голову.

Лев Соколов был лет на пять моложе Ветрова. Дорогой костюм, идеальная стрижка, загар человека, который отдыхает даже тогда, когда работает. Его лицо было напряжённым, но не испуганным.

Скорее раздражённым.

Ему не нравилось быть задержанным в чужой драме.

— Да?

— Вы пытались покинуть этаж в 20:46.

— Я хотел сделать звонок.

— Внизу?

— Здесь плохо ловило.

— До отключения связи всё ловило прекрасно.

— У меня личный вопрос.

— Теперь у вас уголовный вопрос.

Он усмехнулся.

— Вы хотите обвинить меня в убийстве партнёра?

— Нет. Я хочу понять, почему за двадцать четыре минуты до смерти Ветрова его партнёр пытался уйти, спорил с охраной и требовал открыть лифт.

Соколов отпил воды. Руки у него не дрожали.

— У меня была назначена встреча.

— В девять вечера во время благотворительного вечера?

— У богатых людей странный график.

— С кем встреча?

— Не помню.

Алиса чуть улыбнулась.

— Как удобно быть богатым. Можно забывать людей, ради которых вы готовы сорвать публичное мероприятие.

— Я не обязан отвечать без адвоката.

— Конечно. Но пока адвокат не поднялся на сорок восьмой этаж через заблокированные лифты, давайте поговорим как два взрослых человека.

Соколов наклонился вперёд.

— Я не убивал Марка.

— Почему?

— Потому что его смерть создаёт мне проблемы.

— Иногда люди убивают именно проблемы.

— Марк стоил мне денег живым. Мёртвым он стоит мне катастрофы.

— Какой катастрофы?

Соколов замолчал.

Алиса смотрела на него спокойно.

— Лев Андреевич, я сегодня не торгуюсь. Я собираю правду. Маленькими грязными кусками.

Он отвёл взгляд к телу Ветрова, которое криминалисты уже закрывали ширмой.

— У нас был проект, — сказал он наконец. — Большой. Очень большой. «Южный квартал». Если Марк умер до подписания финальных документов, сделка зависнет.

— А если после?

— Тогда всё ушло бы в работу.

— Когда должны были подписать?

— Сегодня.

— Здесь?

— Да.

— Во время благотворительного вечера?

— После речи. В служебной комнате.

Алиса медленно кивнула.

— Кто знал?

— Марк. Я. Ирина. Юристы.

— Какие документы?

— Инвестиционное соглашение. Передача долей. Земля. Разрешения.

— Разрешения на строительство?

Соколов сжал стакан.

— Да.

— На месте аварийного жилья?

Он посмотрел на неё.

И молчание стало ответом.

Алиса вдруг поняла, почему Ветров выбрал именно этот вечер.

Фонд помощи семьям, потерявшим дома.

Красивая речь о честном городе.

И в соседней комнате — документы на проект, где старые дома должны были уступить место новым башням.

Благотворительность как занавес.

За ним — сделка.

— Где документы? — спросила она.

Соколов поблел.

— В сейфе.

— В каком сейфе?

— В служебном кабинете Марка на этом этаже.

Алиса повернулась к Чёрному.

— У Ветрова был кабинет здесь?

— Да. Маленький переговорный кабинет за сценой. Для VIP-встреч.

— Почему вы раньше не сказали?

— Вы не спрашивали.

— Роман, если мы оба доживём до конца ночи, я научу вас угадывать очевидное.

Они прошли за сцену. Там действительно была дверь, скрытая за декоративной панелью.

Чёрный открыл её мастер-ключом.

Кабинет оказался небольшим, но дорогим. Стол из тёмного дерева, два кресла, встроенный шкаф, абстрактная картина на стене. На столе — закрытая папка, графин воды и две чашки.

Сейф был в стене за картиной.

Соколов ввёл код.

Красный сигнал.

— Ещё раз, — сказала Алиса.

Он ввёл снова.

Красный.

— Код сменили, — прошептал он.

— Когда вы последний раз открывали сейф?

— Сегодня в 19:20. Документы были там.

— Кто знал код?

— Я и Марк.

— Ирина?

— Не должна была.

— Опять это прекрасное «не должна».

Алиса осмотрела стол.

Папка оказалась пустой.

Не просто пустой — слишком аккуратно пустой. Внутри лежал только лист плотной бумаги.

На нём было напечатано:

«Дом нельзя построить на костях и назвать это будущим».

Соколов выругался.

Чёрный побледнел ещё сильнее.

Алиса взяла лист пинцетом и поместила в пакет.

— Похоже, убийца пришёл не только за Ветровым.

— Документы украли, — сказал Соколов.

— Или вернули туда, где им место.

— Вы понимаете, что там было?

— Пока понимаю одно: кто-то очень хотел остановить ваш проект.

Соколов резко посмотрел на неё.

— Вы думаете, это месть?

— Я думаю, что месть редко приходит одна. Обычно она приводит с собой бухгалтерию.

Она вышла из кабинета и снова посмотрела на зал.

Закрытая башня больше не казалась ей ловушкой.

Она казалась сценой, которую кто-то тщательно построил.

Гости — зрители.

Охрана — декорация.

Камеры — выключенные глаза.

А Ветров — первая жертва.

Алиса подошла к панорамному окну. Город по-прежнему сиял внизу. Сотни огней, тысячи окон, миллионы чужих жизней.

«Он видел город сверху. Теперь город посмотрит на него».

Она подняла глаза к стеклу и вдруг заметила ещё одну деталь.

На отражении окна, рядом с колонной, где нашли вторую карточку, виднелась не только Ника.

В записи с камер после включения света этого почти нельзя было увидеть из-за бликов, но сейчас, вживую, Алиса вспомнила расположение людей.

За Никой в момент возвращения света стоял ещё один человек.

Официант.

Точнее, человек в форме официанта.

С подносом в руках.

Алиса повернулась к Лене, той самой девушке, которая первой увидела тело.

— Лена.

Официантка вздрогнула.

— Да?

— Сколько официантов сегодня работало в зале?

— Двенадцать.

— Вы всех знаете?

— Да. Мы из одной службы.

— Точно всех?

Лена оглядела зал.

Раз.

Второй.

Третий.

И вдруг её лицо стало белым.

— Нет, — прошептала она.

— Что нет?

— Нас было тринадцать.

Тишина упала на зал тяжелее темноты.

Алиса медленно спросила:

— Где тринадцатый официант?

Лена посмотрела туда, где стояли сотрудники кейтеринга.

Потом на служебную дверь.

Потом на тело Ветрова.

— Я не знаю.

Алиса закрыла глаза на одну секунду.

Техник исчез.

Официант лишний.

Камеры отключены заранее.

Лифт заблокирован.

Лестница под охраной.

Башня была закрыта.

Но кто-то внутри неё менял лица так легко, будто заранее знал: в темноте люди запоминают страх, а не силуэты.

Когда Алиса открыла глаза, в зале раздался короткий писк.

Один из телефонов вдруг ожил.

Потом второй.

Потом третий.

Связь вернулась.

И почти сразу телефон Ирины Ветровой завибрировал на стеклянном столике.

Один раз.

Второй.

Третий.

Ирина не двигалась.

Алиса подошла и посмотрела на экран.

Новое сообщение.

Номер скрыт.

Текст был короткий:

«Башня закрыта не для того, чтобы никто не вышел. А для того, чтобы никто не спрятался».

Глава 3. Вдова без слёз

Телефон Ирины Ветровой продолжал вибрировать на стеклянном столике.

Один раз.

Второй.

Третий.

Звук был негромкий, но в наступившей тишине казался почти неприличным. Как будто кто-то посторонний настойчиво стучал в дверь комнаты, где только что умер человек.

Ирина не шевелилась.

Она смотрела на экран, но не тянулась к телефону. Её пальцы лежали на коленях ровно, неподвижно, белые от напряжения. Слезы на лице уже высохли, оставив тонкие блестящие дорожки, но выражение так и не изменилось.

Алиса Громова подошла ближе.

На экране светилось сообщение от скрытого номера:

«Башня закрыта не для того, чтобы никто не вышел. А для того, чтобы никто не спрятался».

Несколько секунд Алиса читала эти две строки.

Потом посмотрела на Ирину.

— Это вам?

— Телефон мой, — сказала та.

— Я спрашиваю не про собственность.

Ирина медленно подняла глаза.

— Я не знаю, кто это отправил.

— А кому, по-вашему, это адресовано?

— Всем нам, судя по тону.

Голос у неё был спокойный. Слишком спокойный.

В зале кто-то тихо зашептался. Роман Чёрный быстро приказал гостям отойти от столика, но они и так уже пятились. Люди боятся чужих телефонов, когда в них приходит смерть.

Алиса взяла аппарат не рукой, а через прозрачный пакет.

— Пароль.

Ирина назвала цифры без паузы.

— Не хотите спросить, имею ли я право смотреть ваши сообщения?

— Вы всё равно посмотрите.

— Удобная позиция.

— У меня сегодня умер муж, следовательно. Мне сейчас не до борьбы за цифровую приватность.

Алиса задержала на ней взгляд.

Слова были правильные.

Интонация — нет.

Большинство людей после внезапной смерти близкого человека говорят неровно. Срываю, повторяются, путают времена. У Ирины каждое слово стояло на месте. Как мебель в дорогой квартире перед приходом гостей.

Аккуратно.

Без жизни.

Алиса открыла входящие сообщения. Последнее — от скрытого номера. До него обычные уведомления: водитель, флорист, организатор вечера, салон красоты, банк. Ничего похожего на угрозы.

— Сколько телефонов у вас с собой? — спросила Алиса.

— Один.

— Подумайте ещё раз.

Ирина чуть заметно нахмурилась.

— Один.

Алиса посмотрела на её маленький чёрный клатч, лежавший рядом на кресле.

— Откройте сумку.

— Зачем?

— Затем, что я не люблю, когда люди отвечают уверенно до того, как вопрос стал неудобным.

Ирина медленно взяла клатч, раскрыла и протянула Алисе.

— Сама, пожалуйста. По одному предмету на стол.

— Вы серьёзно?

— Совершенно.

На лицах гостей появилось то самое выражение, которое Алиса видела много раз: смесь любопытства и стыда. Смотреть на чужую сумку при живом человеке неприлично. Смотреть на сумку вдовы рядом с телом мужа — почти жестоко.

Но убийства редко раскрываются в приличных местах.

Ирина начала выкладывать вещи.

Помада.

Пудреница.

Платок.

Связка ключей.

Маленький флакон духов.

Упаковка таблеток без названия.

Тонкая серебристая ручка.

Алиса посмотрела на ручку и вспомнила тёмное пятно на рукаве белого жакета.

— Это ваши чернила?

Ирина опустила взгляд на рукав.

— Да. Видимо, испачкалась.

— Когда?

— Не помню.

— Сегодня?

— Наверное.

— Вы часто носите ручку в вечернем клатче?

— Я люблю подписывать документы своей ручкой.

— Какие документы вы сегодня собирались подписывать?

Ирина замерла.

Очень ненадолго.

Но Алисе хватило.

— Никакие, — сказала Ирина.

— Странно. Ваш муж и Лев Соколов планировали подписать документы по «Южному кварталу» после речи.

— Я не участвую в делах Марка.

— Но знали о сделке.

— Конечно. Я его жена, не тень от люстры.

— Только что вы сказали, что не участвовали.

— Знать и участвовать — разные вещи.

— Обычно да. Сегодня посмотрим.

Алиса кивнула на клатч.

— Продолжайте.

Ирина достала из внутреннего кармана визитницу, зеркальце и сложенный пополам лист бумаги.

Старый.

Не белый, а желтоватый, мягкий на сгибах. Такой бумага становится не от возраста, а от того, что её часто разворачивают и снова складывают.

Алиса сразу заметила это.

Ирина тоже заметила, что Алиса заметила.

Её пальцы сжались на листе.

— Это личное.

— Теперь уже нет.

— Это не имеет отношения к смерти Марка.

— Вы ещё не знаете, к чему это имеет отношение.

— Знаю.

— Тогда тем более интересно.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Ирина Ветрова умела выдерживать паузы. Не хуже Алисы. Возможно, даже лучше. В светской жизни пауза часто стоит дороже слов: кто первый заговорил, тот проиграл.

Но следствие — не приём у посла.

Алиса протянула руку.

— Письмо.

Ирина не отдала.

— Ирина Сергеевна, — тихо сказала Алиса, — ваш муж лежит в трёх метрах от нас с ножевым ранением. На этаже неизвестный человек, который присылает сообщения и оставляет записки. Если вы сейчас начнёте прятать бумажки, я перестану относиться к вам как к вдове и начну относиться как к подозреваемой. Разница небольшая, но неприятная.

Ирина медленно положила лист на стол.

Алиса надела новые перчатки и осторожно развернула письмо.

Почерк был неровный. Местами буквы проваливались вниз, будто человек писал в состоянии злости или усталости. Вверху стояла дата.

Десять лет назад.

Алиса прочитала первую строку.

Потом вторую.

И зал вокруг будто отодвинулся.

«Ирина Сергеевна, вы живёте с убийцей. Марк Ветров знал, что дом на Ясной нельзя сдавать. Он видел заключение инженеров. Он знал про трещины в несущих стенах. Но он подписал документы. Семеро человек погибли не из-за пожара. Они погибли из-за него. Если вы промолчите, вы будете не женой убийцы. Вы будете его сообщницей».

Подписи внизу почти не было видно. Только фамилия, размазанная по сгибу:

Орлов.

Алиса подняла глаза.

Ника Орлова стояла у колонны. Она была далеко, но смотрела прямо на них.

Или не на них.

На письмо.

— Давно оно у вас? — спросила Алиса.

Ирина не ответила.

— Я повторю вопрос. Давно это письмо у вас?

— Десять лет.

— С момента пожара?

— После.

— После чего именно?

Ирина сжала губы.

— После того случая.

— Вы сейчас о гибели семи человек говорите как о «случае»?

— Не цепляйтесь к словам.

— Я цепляюсь к словам, когда люди прячутся за ними.

Ирина резко поднялась.

— Вы не знаете, что тогда было.

— Так расскажите.

— Это была авария.

— В письме написано иначе.

— Письма пишут не только правду. Иногда их пишут боль, злость и желание найти виноватого.

— А иногда их пишут люди, которых никто не захотел слушать.

Ирина посмотрела в сторону тела мужа.

— Марк не был убийцей.

— Кто такой Орлов?

Молчание.

Алиса увидела, как Ника у колонны сделала шаг вперёд, но остановилась.

— Ирина.

— Сергей Орлов, — сказала та наконец. — Инженер. Работал на одном из проектов Марка.

— На доме на Ясной?

— Да.

— Он писал заключение о трещинах?

— Не знаю.

— Знаете.

— Я не занималась проектами.

— Но письмо сохранили.

— Я сохраняю много старых вещей.

— Не в клатче на благотворительный вечер.

Ирина замолчала.

Алиса взяла письмо за край и внимательно осмотрела бумагу. Один угол был темнее остальных. Не просто грязный. Словно когда-то его держали мокрыми пальцами. Или пытались сжечь и передумали.

— Почему вы носили его с собой сегодня?

— Случайно.

— Неправда.

— Вы не можете знать.

— Могу. Бумага лежала во внутреннем кармане, отдельно от всего. Не среди чеков, не в визитнице, не в бумажнике. Вы положили её туда намеренно.

Ирина отвернулась.

— Хотели показать Марку? — спросила Алиса.

— Нет.

— Соколову?

— Нет.

— Нике Орловой?

Ирина резко посмотрела на неё.

Вот оно.

Первая настоящая трещина.

— Причём здесь Ника?

— У неё та же фамилия.

— Орловых много.

— Но не все смотрят на вашего мужа так, будто он украл у них жизнь.

Ирина тихо усмехнулась.

— Ника всегда драматизирует.

— Вы знакомы?

— Марк помогал ей.

— Помогал?

— Продвигал. Покупал её работы. Познакомил с нужными людьми.

— Из чувства вины?

Ирина побледнела.

— Вы переходите границы.

— Я только подошла к ним.

В этот момент к Алисе подошёл Роман Чёрный. Он держал планшет с записью камер.

— Можно вас на минуту?

— Говорите здесь.

Он бросил взгляд на Ирину.

— Лучше отдельно.

— Если это не рецепт салата, говорите здесь.

Чёрный понизил голос:

— Мы проверили список персонала. Тринадцатого официанта нет. По документам в зале должно было быть двенадцать человек. Но на записи после включения света действительно виден ещё один.

— Лицо?

— Не видно. Он выходит из зоны камеры через восемь секунд после включения света.

— Куда?

— За бар. В служебный коридор.

— И исчезает?

— Да.

— Как техник.

— Похоже.

Алиса посмотрела на Ирину.

Та слушала внимательно.

Слишком внимательно для женщины, которая только что уверяла, что ничего не знает.

— Найдите всех, кто менял форму за вечер, — сказала Алиса. — Кейтеринг, охрана, технические работники, гардероб. И проверьте мусорные контейнеры, вентиляцию, бачки, потолочные панели.

— Уже.

— «Уже» сегодня звучит у вас рискованно.

Чёрный кивнул и ушёл.

Алиса снова повернулась к Ирине.

— Продолжим.

— Я хочу адвоката.

— Обязательно. Но сейчас я не допрашиваю вас как обвиняемую.

— А как кого?

— Как женщину, у которой в сумке лежит письмо с обвинением её мужа в убийстве, а сам муж только что умер рядом с запиской о долге.

Ирина села обратно.

Теперь она выглядела старше. Не на десять лет, нет. Всего на несколько часов. Но иногда несколько часов правды старят сильнее, чем годы лжи.

— Это письмо написал не Сергей, — сказала она тихо.

Алиса не перебила.

— Он бы так не написал. Он был мягкий. Упрямый, но мягкий. Он верил, что если всё объяснить правильно, люди поступят правильно.

— Кто написал?

— Не знаю.

— Но вы думаете, что не он.

— Я знаю.

— Почему?

Ирина посмотрела на письмо.

— Потому что к тому времени Сергей Орлов уже был мёртв.

Алиса медленно опустила взгляд на дату.

— Дата после его смерти?

— На три недели.

Вот теперь зал окончательно стал другим.

Не просто место убийства.

Место, где старые мёртвые начали разговаривать.

— Откуда пришло письмо? — спросила Алиса.

— Его оставили у нас дома. В почтовом ящике.

— Вы показывали Марку?

— Да.

— И?

— Он сказал, что это шантаж.

— Кто мог шантажировать?

— Родственники погибших. Журналисты. Конкуренты. Тогда вокруг было много грязи.

— Грязи или правды?

— Следовательно, вы любите красивые фразы не меньше моего мужа.

— Разница в том, что он ими зарабатывал. Я ими проверяю реакцию.

Ирина устало закрыла глаза.

— Марк не был хорошим человеком.

Эти слова прозвучали неожиданно тихо.

Ника Орлова у колонны замерла.

Даниил Крамер, стоявший у бара, перестал делать вид, что не слушает.

Алиса заметила это краем глаза, но не повернулась.

— Продолжайте, — сказала она.

— Он был жёстким. Самоуверенным. Иногда жестоким. Он мог уничтожить человека, если считал, что тот стоит на пути. Но убийцей он не был.

— Вы уверены?

— Я прожила с ним двадцать лет.

— Иногда это мешает видеть.

Ирина открыла глаза.

— Иногда это помогает знать.

Алиса положила письмо в прозрачный пакет.

— Дом на Ясной. Что там произошло?

Ирина долго молчала.

В зале кто-то кашлянул. За ширмой работали криминалисты. Тихо щёлкал фотоаппарат. Вдалеке переговаривались оперативники. Башня жила странной ночной жизнью — без выхода, без воздуха, без нормального времени.

— Это был старый доходный дом, — сказала Ирина. — Его собирались реконструировать. Марк тогда ещё не был таким известным. Проект мог сделать его именем. Там хотели открыть апартаменты, галерею, ресторан на первом этаже. Красивое место. Историческое.

— Но дом был аварийным.

— Спорный статус.

— Ирина.

— Да. Были проблемы.

— Какие?

— Трещины. Перекрытия. Старые коммуникации. Но официально всё можно было укрепить.

— А неофициально?

Ирина посмотрела на неё с раздражением.

— Неофициально у нас в стране половину домов нельзя трогать, если слушать каждого инженера.

— Сергей Орлов был тем самым инженером?

— Да.

— Он был против проекта?

— Он требовал остановить работы.

— Марк остановил?

— Нет.

— Почему?

— Потому что уже были вложены деньги.

— Деньги оказались прочнее стен.

Ирина ничего не ответила.

— Пожар случился во время работ?

— Ночью. В доме оставались люди.

— Почему, если шла реконструкция?

— Не всех расселили.

— Семеро погибших?

— Да.

— Среди них семья Орлова?

Ирина резко посмотрела на неё.

— Нет. Семья Орлова не погибла в пожаре.

— Тогда почему письмо подписано этой фамилией?

— Потому что после пожара Сергей пытался доказать, что Марк знал о рисках. Он говорил, что пожар только ускорил то, что и так должно было случиться. Что дом мог рухнуть. Что людей нельзя было оставлять внутри.

— И что с ним стало?

Ирина отвела взгляд.

— Его нашли мёртвым.

— Где?

— В машине. За городом.

— Самоубийство?

— Так написали.

— А вы как думаете?

Ирина молчала слишком долго.

— Я думаю, что Сергей был не из тех, кто уходит молча, — сказала она наконец.

Алиса почувствовала, как в деле появился новый коридор.

Тёмный, старый, пыльный.

И ведущий не только к Ветрову.

— У Сергея была дочь? — спросила она.

— Да.

— Ника?

— Да.

Теперь имя прозвучало открыто.

Ника Орлова стояла неподвижно. Красное платье делало её похожей на пятно крови среди чёрных костюмов.

— Она знает о письме? — спросила Алиса.

— Не от меня.

— Но знает о смерти отца.

— Конечно.

— И считает Ветрова виновным?

Ирина усмехнулась.

— Ника считает виновными всех, кто дышал рядом с Марком.

— А вы?

— Я долго считала, что Марк просто выбрал себя.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ.

Алиса посмотрела на неё внимательнее.

В этой женщине было что-то странное. Не отсутствие горя. Нет. Горе там было. Где-то глубоко, под слоями самоконтроля, привычки, богатства, усталости. Но это было не горе по мужу.

Скорее горе по жизни, в которой она слишком долго делала вид, что не слышит треска стен.

— Почему вы плакали, когда нашли вторую карточку? — спросила Алиса.

Ирина моргнула.

— Что?

— До этого вы не плакали. Муж мёртв — вы спокойны. Записка на его груди — вы спокойны. Закрытая башня — спокойны. Но когда нашли карточку «Первый долг возвращён», у вас появились слёзы. Почему?

— Это абсурд.

— Нет. Это последовательность.

— Я была в шоке.

— Шок у вас наступил выборочно.

Ирина сжала платок.

— Вы жестокая женщина.

— Нет. Просто я не ваш гость.

Они снова замолчали.

Потом Ирина вдруг сказала:

— Потому что я поняла.

— Что?

— Что это не закончится Марком.

Алиса медленно кивнула.

— Кого ещё могут убить?

Ирина не ответила.

— Ирина Сергеевна.

— Я не знаю.

— Знаете.

— Нет.

— В письме сказано: семеро погибших. В записке: первый долг возвращён. Кто должен быть вторым?

Лицо Ирины изменилось.

Не сильно. Она была слишком хорошо обучена держать лицо.

Но Алиса увидела.

Страх.

Настоящий.

Наконец-то.

— Я не знаю, — повторила Ирина.

— Ложь.

— Вы можете повторять это сколько угодно.

— Могу. Но лучше вы начнёте говорить правду до того, как на этом этаже появится второе тело.

Ирина закрыла глаза.

— Там были люди, которые подписывали документы.

— Кто?

— Марк. Соколов. Представитель администрации. Главный инженер проекта. Эксперт по пожарной безопасности.

— Сергей Орлов?

— Нет. Сергей отказался подписывать.

— Поэтому стал проблемой.

Ирина ничего не сказала.

— Имена.

— Я не помню.

— Вы помните.

— Прошло десять лет.

— А письмо вы носите с собой так, будто получили его вчера.

Ирина резко встала.

— Потому что сегодня он хотел снова сделать то же самое!

Фраза сорвалась с неё слишком громко.

Зал замер.

Даже оперативники у служебной двери повернулись.

Алиса не двинулась.

— Что именно?

Ирина поняла, что сказала лишнее. И сразу закрылась.

— Ничего.

— Поздно.

— Я сказала на эмоциях.

— Наконец-то они у вас появились.

Ирина отвернулась к окну.

За стеклом город сиял спокойно и равнодушно. С высоты сорок восьмого этажа люди внизу не были людьми. Они были точками. Потоками света. Статистикой.

Возможно, именно так Марк Ветров и привык смотреть на город.

— «Южный квартал», — сказала Алиса.

Ирина молчала.

— Там тоже аварийные дома?

— Старый фонд.

— Людей расселили?

— Не всех.

— Были заключения инженеров?

— Были разные заключения.

— Одни удобные, другие правдивые?

Ирина тихо сказала:

— Вы не понимаете, как это работает.

— Объясните.

— Большие проекты никогда не бывают чистыми. Там всегда кто-то против. Всегда есть экспертизы, которые мешают. Всегда есть жильцы, которые не хотят уезжать, юристы, активисты, журналисты, конкуренты. Если слушать всех, ничего не построишь.

— Иногда это называется не строительство. А преступление.

— Иногда. Но не всегда.

— А сегодня?

Ирина не ответила.

Алиса подошла ближе.

— Сегодня Марк собирался подписать документы по проекту, который мог повторить Ясную?

— Не повторить.

— Но риск был.

— Риск есть всегда.

— Не философствуйте. Люди могли пострадать?

Ирина повернулась к ней.

— Да.

Вот теперь правда прозвучала просто.

Без украшений.

— Марк знал?

— Да.

— Соколов знал?

— Да.

— Вы?

Ирина чуть слышно выдохнула.

— Да.

Алиса смотрела на неё долго.

— И всё равно пришли сегодня с ручкой.

Ирина опустила взгляд на серебристую ручку на столе.

— Я хотела остановить его.

— Подписав документы?

— Нет.

— Тогда зачем ручка?

— Это не для подписи.

— Для чего?

Ирина не успела ответить.

В служебной зоне раздался шум.

Сначала быстрые шаги.

Потом глухой удар.

Потом чей-то крик:

— Сюда! Быстро!

Роман Чёрный сорвался первым. Алиса — за ним.

Коридор за баром был заполнен людьми. Оперативник стоял у двери технической комнаты и держал кого-то за плечи. На полу валялась форма официанта: белая рубашка, чёрный жилет, бабочка. Всё было скомкано и засунуто в пластиковый мешок для мусора.

Но кричали не из-за формы.

У стены сидела Лена, та самая официантка. Бледная, с трясущимися руками. Перед ней на полу лежал маленький чёрный кейс.

Тот самый, с которым человек в форме техника входил в зал.

Кейс был открыт.

Внутри не было ножа.

Не было документов.

Не было формы.

Там лежала старая фотография.

На ней стояли пятеро мужчин на фоне полуразрушенного дома. Молодой Марк Ветров улыбался в камеру. Рядом с ним — Лев Соколов, гораздо моложе, но узнаваемый. Третий мужчина держал в руках строительную каску. Четвёртого Алиса не знала.

А пятый был обведён красным маркером.

Под фотографией лежала карточка.

«Второй вспомнит сам».

Алиса взяла фотографию за край.

— Кто это? — спросила она у Ирины, которая подошла следом и остановилась в дверях.

Ирина посмотрела на снимок.

На мужчину, обведённого красным.

И вся её выдержка наконец треснула.

— Нет, — прошептала она. — Только не он.

— Имя.

Ирина прижала руку ко рту.

— Ирина. Имя.

Она ответила не сразу.

— Павел Мещерский.

— Кто он?

Ирина посмотрела на Алису так, будто башня под ними уже начала рушиться.

— Главный инженер дома на Ясной.

В этот момент из зала донёсся голос Даниила Крамера:

— Где Мещерский?

Никто не ответил.

Алиса резко повернулась к Чёрному.

— Он здесь?

Чёрный побледнел.

— Был в списке гостей.

— Найти.

Но уже через несколько секунд стало ясно: искать придётся не среди живых.

Потому что на сорок восьмом этаже, где никто не мог выйти и никто не должен был спрятаться, появился человек, которого все забыли посчитать.

И если записка не лгала, он должен был вспомнить вторым.

Глава 4. Девушка с красной картиной

Павла Мещерского на сорок восьмом этаже не оказалось.

Его имя было в списке гостей. Его бейдж был напечатан. Его место за одним из круглых столов было отмечено маленькой карточкой с золотым тиснением. На столе даже стоял бокал, до половины наполненный водой.

Но самого Мещерского не было.

Ни среди гостей.

Ни в служебных помещениях.

Ни на кухне.

Ни в туалетах.

Ни в узком коридоре возле лестницы, где оперативники проверили даже хозяйственные шкафы.

Человек, которого записка назвала вторым, словно растворился в «Северной башне» ещё до того, как Алиса успела задать ему первый вопрос.

— Он мог не прийти, — сказал Роман Чёрный, когда вернулся из зала.

Голос у него был хриплый. За последний час начальник службы безопасности постарел лет на пять. И впервые за вечер в нём стало меньше уверенности и больше обычного человеческого страха.

— Мог, — сказала Алиса. — Но тогда кто поставил воду на его место?

— Официанты накрывали по списку.

— А кто отметил его как присутствующего?

Чёрный промолчал.

Алиса посмотрела на карточку с именем Мещерского. Аккуратный шрифт. Дорогая бумага. Всё здесь было красивым, даже мелкие признаки беды.

— Проверить вход, гардероб, список отметок, записи лифтов до 21:10, — сказала она.

— И отдельно — все бейджи фонда. Не персонал, не охрана. Именно фонд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.